

"ОСТЗЕЙСКИЕ РЫЦАРИ" КАК ВОЕННОЕ СОСЛОВИЕ И ЭЛИТООБРАЗУЮЩАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМА СОЦИОИДЕНТИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ (1881-1914 гг.)

"THE BALTIC KNIGHTS" AS A MILITARY
CASTE AND THE ENVIRONMENT,
CREATING AN ELITE: THE PROBLEM
OF SOCIAL IDENTITY AND OUTLOOK
(1881-1914.)

G. Chuvardin

Annotation

In the present paper as the main object of analysis deals with the special social and professional Corporation – "Baltic officers". Defines the content of the cultural identity of its representatives. On the example of the Russian Imperial guard examines the place of "ostseite" in the system of structures forming the elite. The author concludes that the special significance of the phenomenon under consideration to ensure high degree of stability of individual government and military institutions of the Empire as a whole.

Keywords: Baltic States, "Baltic barons", the Imperial guard, Protestantism, social identity.

Чувардин Герман Сергеевич

*К.ист.н., доцент каф. истории
России Орловского государственного
университета*

Аннотация

В предлагаемой статье в качестве основного объекта анализа рассматривается "остзейское офицерство" как особая этносоциальная и профессиональная корпорация. Определяется содержание культурной идентичности ее представителей: механизмы социализации, мировоззренческие и поведенческие особенности. На примере российской императорской гвардии анализируется роль и место остзейцев в системе элитобразующих структур империи. Делается вывод об особой значимости рассматриваемого явления для обеспечения высокой степени устойчивости отдельных властных и военных институтов Престола в целом.

Ключевые слова:

Прибалтика, "остзейские бароны", императорская гвардия, протестантизм, социальная идентичность.

В условиях продолжающейся трансформации современного российского общества сохраняется устойчивый интерес к ретроспективному анализу исторического прошлого отдельных социальных категорий и институциональных образований. Наибольший интерес вызывает изучение властных "групп влияния", гипотезированных в смысловых координатах современной политической науки как "элиты". В качестве проблемного поля в предлагаемой статье мы затрагиваем такое значимое для русской истории второй половины XIX – начала XX в. элитогенерирующее образование как офицерский корпус российской императорской гвардии. При этом основное внимание уделяется наиболее неоднозначному и сложному ее компоненту – "остзейским баронам" как социальной, профессиональной и психо-эмоциональной среде.

Для России рубежа XIX – XX вв. конфессиональный фактор играл решающую роль, при этом подавляющая часть подданных империи являлась православными. По 1-ой всеобщей переписи населения 1897 г. общее количество представителей данной конфессии составляло

87,3 млн. чел. (69,5% жителей России). Таким образом, православие, ставшее основным элементом идеологии, своеобразной системой мировоззрения и важнейшим механизмом социализации, выступало инструментом, с помощью которого предпринимались попытки решения наиболее острых национальных и культурных противоречий.

Примечательно то, что в ряде отечественных учебников нач. XX в. по таким "модным" и "молодым" системам знания как психология и педагогическая психология, наряду с сугубо научным подходом к анализу психики и психических явлений, мы встречаем разделы посвященные "нравственному" и "религиозному" воспитанию чувств как "основного компонента формирования личностных качеств человека". Так в учебнике "Педагогическая психология" 1910 г. П.А. Соколова отмечалось: "Не в ряду идей истины, добра и красоты, а высоко над ними, как совершенное воплощение и вечное осуществление их, стоит идея о Боге. Идея о Боге – норма для всех норм, идеал ведения, добра и творческой гармонии" [1, с. 218]. Автор учебника настаивает на том, что даже атеисты осознают

религиозное начало в себе, но сознательно это отрицают. Примечательно, что даже в 1915 г. в кадетских корпусах учебный предмет "Закон Божий" составлял 14 час. от общего объема в 218 час. за весь период обучения (по 2 урока, 50 мин. урок, в неделю) [2, с. 2–17].

При этом "национальный фактор" имел второстепенное значение, хотя отдельные элементы ксенофобии в формате так называемого "русского национализма" и проистекающей из него политики "русификации" (наиболее последовательно проводившейся в Прибалтике), обозначились уже в эпоху Александра III. Как следствие, все острее звучал вопрос о необходимости национальной самоидентификации. Можно утверждать, что такая этноидентичность, как "русские" (как этническая общность), государством не управляла: до 1861 г. подавляющая часть аутентичных русских находилась в крепостной зависимости, а между действительно многонациональной аристократией и "народом" существовала непроходимая социальная пропасть [3, с. 152]. Основным индикатором социального расслоения после 1861 г. стало имущественное неравенство, выражающееся в вопиющих примерах социальной несправедливости (при этом нужно учитывать, что дворянство также являлось социально неоднородным). Даже национальная русская культура была чужда дворянской. В стране, где более 50 % населения не умело читать, фраза "Пушкин – наше все", звучала как издевательство. По сути, в России существовало "два народа" (данную идентичность не следует понимать буквально) и две культуры.

Следует подчеркнуть, что дворянство в основной своей массе ориентировалось на православные ценности как смыслообразующее когнитивное поле, которые выступали главным элементом консолидации населения империи. Начиная с эпохи Александра III политика "русификации" имела направленный культурный характер. На первый план выходила не этническая идентичность (как комплекс признаков), а очередная когнитивная инсталляция, некая ценностноформирующая симуляция социальной реальности, получившая полуофициальное название "русская идея", закреплённая в полулиберальном славянофильском проекте, а также в консервативных промонархических исканиях от С.С. Уварова до К.П. Победоносцева. В основание процесса "русификации" закладывался концепт "Великодержавия", опирающийся на православный идеал, ведущий свое начало от Зосимы и Филофея. В этом плане Н.А. Бердяев подчеркивал: "Совершенно ясно было, что для системы официальной народности примат принадлежал принципу самодержавия, православие и народность были ему подчинены" [4, с. 25].

Православная идеология как мировоззренческая доминанта закреплялась еще и тем, что, в силу сложившейся властной традиции и специфики конституирования и

институционализации РПЦ ее возглавлял сам царь/император. Выдающийся апологет русского самодержавия начала XX в. П.Е. Казанский писал: "Основные Законы гласят: "Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоправия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследии престола 1797 Апр. 5 именуется "Главой Церкви" [...]. Государство русское носит конфессиональный характер" [5, с. 140].

В контексте вышесказанного офицерство императорской гвардии (как условно-целостная социальная среда) калькировало основные процессы, характерные, как для дворянской аристократии, так и для дворянства, как самодостаточной социальной группы в целом. При этом гвардия как интернациональная элитообразующая структура давала значительные преференции, как в последующей военной, так и гражданской карьерах. Думается, что отправной точкой анализа параметра конфессиональности должна выступать статистика полковников, являющихся переходным звеном из XIX в XX в. (ряд гвардейских полковников принимал участие еще в войне 1877–1878 гг.).

В качестве ремарки отметим, что по замечаниям историка П.А. Зайончковского, в пореформенный период постоянно росло число "генералов-немцев", которые составляли костяк военной элиты империи и оказывали ощутимое влияние на процесс элитообразования и генерализации отдельных групп военной и политической элит. К началу 1-ой мировой войны их процентный состав имел следующий вид: генерал-майоров – 7,3%, генерал-лейтенантов – 9,9% и полных генералов – 16,5%. Историк резюмирует: "Значительный рост немцев среди высшего генералитета говорит, бесспорно, о симпатиях императорского дома к лицам этой национальности" [6, с. 31].

В данном случае можно обратить внимание на ремарку С.Н. Палеолога: "Ведомства – иностранных дел, придворное и военное, высшая администрация, полиция и корпус жандармов были насыщены русскими прибалтийцами и другими немецкими выходцами" [7, с. 46–47]. В свою очередь полковник А.Ф. Риттих отмечает: "Собственно германского племени насчитывается в Европейской России 1,41%. Хотя это и очень немного и теряется в массе, но зато в смысле интеллигентном и по той пользе, которую приносит это племя народу и войску, кажется, будто бы его в десять раз больше" [8, с. 21].

Что касается социальной категории полковников, то анализ конфессиональной принадлежности ее представителей по гвардии и армии (штатное расписание 1903–1905 гг.) дает следующую картину: 84,4 % армейских полковников исповедовало православие, 7% – лютеран-

ство. В полках императорской гвардии православие исповедовало 78,7% полковников, лютеранство – 21,3% (т.е. в 3 раза больше, чем в армейской среде).

Эти показатели вызывают определенный интерес, особенно в рамках анализа социометрических составляющих по отдельным гвардейским полкам. По крупному счету речь идет о месте так называемого аутентичного "немецко-шведского" компонента в императорской гвардии (эта цифра почти в 2 раза превышала процент по общим показателям в армии). Таким образом сказывалась на конфессиональном параметре длительное время проводившаяся политика "онемечивания" отдельных гвардейских полков). Необходимо отметить, что среди рядового состава процент православных был еще ниже – 75% от общего числа.

По понятным причинам в русской армии могли служить преимущественно подданные империи. В 1880 г. был издан указ, ограничивающий поступление немцев, выходцев из Германии и Пруссии, на русскую военную службу в качестве офицеров. Значительный процент "немцев-протестантов" проникал на военную службу из Остзейского края, где проживали: в Лифляндии 172, Эстляндии – 127 и на острове Эзель – 25 имматрикулярных дворянских фамилий (без учета дворянских родов Курляндии). По этому поводу Риттих писал: "Немцы дворяне, по преимуществу протестанты, делятся на потомков тевтонских рыцарей, проживающих в 3-х губерниях Прибалтийского края и на русских-немцев, т.е. служивых людей, пользующихся со всеми русскими дворянами одинаковыми правами. Первые, среди своих традиционных воспоминаний доставили России много полезных деятелей, в особенности на военном поприще, как сухопутном так и морском. [...] потомки тевтонцев вероятно окажутся не хуже своих предков и в таком случае приобретение войском подобного контингента молодых и образованных людей, будет встречено армией сочувственно и с полным уважением. По роду службы они окажутся наиболее способными в легкой кавалерии, в кирасирской дивизии и конной артиллерии, которая и прежде считала в своих рядах немало уроженцев Прибалтийских губерний. Немцы, русские дворяне, служивые люди, удержавшие за собою только одну религию, по преимуществу лютеранскую, единственно этим отличаются от истинно русских людей" [8, с. 21].

В данном случае примечательна рекомендация для места службы "остзейцев на военном поприще": легкая кавалерия – гусары и уланы; кирасиры (фактически речь идет о гвардейский "тяжелой" кирасирской дивизии) и конная артиллерия. Риттих весьма недвусмысленно намекает на то, что остзейцам самое место (в силу их "рыцарственности", а также особенностей ментальности) в императорской гвардии. Данная рекомендация в целом правомерна для конца 1870-х гг. Целесообразно про-

анализировать применимость вышеозначенных суждений к эпохам правления Александра III и Николая II.

К началу XX в. в Российской империи прослеживаются несколько вариантов "классического" протестантизма (евангелическо-лютеранское, евангелическо-аугсбургское, реформаторское разных видов). Значительная часть "немцев", "остзейцев" и шведов оказалось в рядах русской армии еще в XVIII в. Большинство из них, ставшие русскими поданными, значительная часть переходила в православие. При этом необходимо подчеркнуть, что до конца 1870-х гг. в Прибалтике последовательно проводилась "пронемецкая политика", общий вектор которой обозначился при Николае I в формате, так называемой "остзейской ориентации верхов" [9, с. 87]. Это получило выражение в том, что официальная и деловая переписка велась только на немецком языке (в качестве защиты особых "остзейских устоев"), Дерптский университет, превратился в центр антиправительственной и антиправославной агитации, даже "сельская школа" "работала на разрыв с Россией" [10, с. 322–330].

В то же время русские императоры охотно принимали "немцев" и "остзейских шведов" на военную службу. "Пронемецкая политика" объяснялась высокой "дисциплинированностью" немецко-шведского элемента и службой не столько государственно-политической абстракции, именуемой Россией, сколько непосредственно императору [11, с. 256]. Содержание "немецкого архетипа" достаточно четко сформулировал идеолог прусского юнкерства Ф.А.Л. фон дер Марвиц. Он писал, что все немцы (речь идет о дворянской аристократии) "[...] рождаются солдатами и должны служить всю свою жизнь, за исключением старших сыновей, которые заботятся об отце, если он стар и немощен" [12, S. 157]. Данную посылку, применительно в том числе и к России, развивал философ начала XX в. В. Шубарт. В частности он отмечал: "Немцы всегда хорошо себя проявляли на службе в чужих странах и никогда не предавали своих новых хозяев... В царской империи немцы, особенно из прибалтийских провинций, занимали самые высокие посты. Русский монарх доверял им больше, чем иному русскому" [13, с. 271]. Данные рассуждения также можно подтвердить "эмигрантскими откровениями" "семеновца" А.А. фон-Лампе: "Страна, которая приютила моих предков, стала для меня настоящей Родиной, и настолько, что я, как умирающий гладиатор, гибну, но шлю ей последний привет и питаюсь одной надеждой – мое проклятие победителю приведет его к поражению" [14, д. 9, л. 179].

Есть указание на то, что остзейское дворянство позиционировало себя в первую очередь как носителя аутентичного "германского (прусского) духа" на русской почве. Таким образом, антигерманская истерия первых месяцев войны (впоследствии только нараставшая) была направлена не столько против самих немцев, сколько против

немцев, как "опоры престола", при этом она приобрела характер настоящего "нищенского" ресентимента. Ее пиком следует считать "немецкий погром" в Москве 26–28 мая 1915 г. в ходе которого пострадало: 475 предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских с "подозрительными фамилиями" [15, с. 362]. После "погрома" гонения на немцев не закончились. 1 июня 1915 г. вышел указ "Об обязательном увольнении немцев с московских предприятий и прекращении деятельности в городе немецких фирм". Произошедшее вызвало углубление национального раскола в обществе: к прочим гонимым национальным меньшинствам добавились "недовольные немцы".

Возвращаясь к вышеизложенным рассуждениям в отношении "немецкого духа" отметим, что в основании специфического формата поведения, как "немца", так и "немца-остзейца" лежали и особенности вероисповедания. Протестантизм, в отличие от православия, отрицал внешнюю сторону служения, подразумевая в церкви собрание "свободных верой" общинников, что в целом обуславливало специфику поведения офицеров-протестантов. Следует подчеркнуть, что большинство представителей немецко-шведского элемента также стремились получить высшее военное образование – окончить Николаевскую академию Генерального Штаба, что в первую очередь было связано трудным материальным положением, в котором находилась значительная часть "остзейских баронов". Так в л.-гв. Конном полку процент окончивших академию "немцев" составлял – 75 %, в л.-гв. Семеновском – 50 %, в л.-гв. Егерском – 42 %, в л.-гв. Драгунском – 29%.

В психологическом плане представители "немецкой" группы отличались от остальных групп гвардейских офицеров своим внешним и внутренним "остзейским типом": сдержанностью, воспитанностью, холодностью, "переходящей порой в чопорность", умением держать дистанцию [16, с. 110]. Совсем по-другому выглядели "русифицированные" "немцы" перешедшие в православие. Они воспринимались "русской группой" гвардейцев, как "свои" (что еще раз косвенно подчеркивает наднациональный характер конфессионального фактора).

Так, в л.-гв. Конном полку в 1902 г. из 19 офицеров-"немцев" только 7 являлись протестантами (лютеранами), остальные 12 были "православными", что составляло 63 % [17, д. 3239]. Представители данной группы, как и их "русские собратья", порой совершали крайне неблагоприятные поступки. В л.-гв. Конном полку из 33 офицеров, получивших различной степени порицания в промежутке между 1908–1912 гг., 17 чел. (51,5 % [17, д. 3245]) оказались немцами или "остзейцами".

Что касается гвардейской артиллерии, то к началу XX в. наиболее высокий процент представителей немецко-

шведского компонента, исповедующего протестантизм разных толков, прослеживается в л.-гв. 2-й артиллерийской бригаде. Из 57 офицеров (в данном случае не учитываются 6 генералов) в 1910 г. 7 человек принадлежали к лютеранскому вероисповеданию (1 полковник и 6 офицеров прочих званий) [18, д. 19, л. 37 об.]. Для сравнения – в л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде из 70 офицеров 6 человек (включая командира полка) принадлежали к лютеранской вере [18, д. 19, л. 3].

Определенный и не столь существенный процент немцев и шведов прослеживается в гвардейских стрелковых частях (за исключением л.-гв. 3-го Финляндского стрелкового батальона). Так, в л.-гв. 1-м Стрелковом Е. В. батальоне из 31 офицера в 1899 г. 5 являлись протестантами (из них 1 генерал) [19, д. 154, л. 16.]. К 1905 г. число лютеран уменьшилось до 4 человек, при этом все они имели звание подпоручиков [19, д. 161, л. 26]. Наконец, к 1910 г. теперь в л.-гв. 1-ом Стрелковом Е. В. полку (с 1910 г.) не остается ни одного лютеранина. Аналогичная ситуация прослеживается в л.-гв. 4-ом Стрелковом Императорской фамилии батальоне.

Примечательно, что в полках 2-ой бригады 2-й л.-гв. пехотной дивизии прослеживается та же тенденция. Так в л.-гв. Павловском полку в 1895–1897 гг. насчитывается 7 лютеран из 83 наличествующих офицеров, а в 1909–1910 гг. число лютеран сокращается до 1-го человека из 79 офицеров [20, д. 727]. В л.-гв. 2-м Стрелковом Царскосельском батальоне в 1899–1900 гг. из 28 человек 2 лютеранина, причем один из них генерал [21, д. 238, л. 15]. Такая же ситуация сохраняется и на отрезке 1907–1910 гг. [21, д. 241, л. 14 об.]. В гв. казачьих частях в начале XX в. количество лютеран никогда не превышало 1–2 чел., а в л.-гв. Сводно-Казачьем полку их не было вообще.

Что касается представителей римско-католической церкви в гвардии, то их процент также был крайне незначительным – тем не менее, последователей данной религии мы встречаем практически во всех гвардейских полках гвардии. В основной своей массе это были офицеры польского происхождения. После ряда волнений и двух восстаний в Польше в XIX в. польская католическая церковь, подпитывающая национально-освободительную борьбу, оказалась "вне закона". Русская армия фактически отказалась от услуг польского дворянства. Наличие офицеров-поляков, исповедующих католицизм, было исключением из общих правил. Даже в "варшавской гвардии" процент католиков был крайне низок. Например, в л.-гв. Гродненском Гусарском полку в 1906–1910 гг. из 47 офицеров только 1 человек был католиком [22, д. 53]. А в л.-гв. Уланском Его И. В. полку – 2 человека. Такой же редкостью было и наличие немцев-католиков (хотя к этой группе никаких предубеждений не существовало).

"Тяжелая кавалерия" императорской гвардии в силу крайне мощных традиционных установок могла пойти на такое исключение – в полках продолжали служить офицеры, "генетически" связанные с историей данных частей. Так, в л.-гв. Конном полку за весь период его существования служило всего 35 представителей "польской аристократии". Схожая ситуация прослеживается и в л.-гв. Драгунском полку. С 1899 г. до 1914 г., в полку служило 11 офицеров римско-католического вероисповедания, причем только один из них может быть идентифицирован как "немец" (генерал-майор А.-И.-Г.Е. Ризенкамф), остальные имели выраженные польские корни.

Таким образом, к началу Первой мировой войны процент представителей немецко-шведских дворянских фамилий занимал значительное место и играл существенную роль в структуре российской императорской гвардии (а по крупному счету и всей "военной элиты"). Это касается не только рядовых офицеров отдельных гвардейских полков, но и высшего командного состава Гвардейского корпуса. На первом этапе войны сложилась парадоксальная ситуация. Отдельные гвардейские полки были

укомплектованы более чем на 30% офицерами немецко-шведского происхождения, исповедующими разные вариации протестантизма. Так как в большинстве престижных гвардейских полков значительный процент составляли немцы, то "немцам" приходилось воевать против "немцев". Думается, что изучение рефлексии офицера-немца на войну (особенностей психо-ментальных переживаний и реакций) против своей "исторической родины" заслуживает пристального внимания и дальнейшего исследования.

Следует отметить, что после начавшейся германофобии, выродившейся в афанизм и паранойю, и получившей юридическую базу уже в сентябре 1914 г., происходит стремительное вымывание "немецкого" элемента из армейских и гвардейских частей. В конечном итоге, это крайне негативно сказалось на боеспособности этих частей, поскольку дисциплина в них стимулировалась и поддерживалась, в первую очередь, офицерами-службистами немецко-шведского происхождения. При этом проблема выбора между "кайзером" и "царем" оказалась не просто болезненной, а фактически неразрешимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов П.А. Педагогическая психология. Издание 4-е дополненное. СПб.: издание Я. Башмакова и К°, 1910. 314 с.
2. Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. Пг.: издание ГУ ВУЗ, 1915. 306 с.
3. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: ФондИВ, 2007. 600 с.
6. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998. С. 24–69.
7. Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М.: Айрис-пресс, 2004. 352 с.
8. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. Составил Генерального Штаба полковник А.Ф. Риттих. СПб.: издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. 352 с.
9. Шульгин В.Н. Русские свободные консерваторы XIX века об Остзейском вопросе. СПб.: Нестор-История, 2009. 158 с.
10. Воробьева Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. М.: Издательство "ФИВ", 2013. 536 с.
11. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. 464 с.
12. Marwitz F.A.L. von der. Ein markischer Edelmann im Zeitalter der Befreiungskriege. Hrsg. Von F.Meusel. Berlin, 1913. Bd. II.
13. Шубарт В. Европа и душа Востока. / Пер. с нем. М.В. Назарова, З.Г. Антипенко. М.: Издательство Эксмо, 2003. 480 с.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5853. Оп.1.
15. Дневник Распутина. М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2008. 416 с.
16. Бенуа А. Мои воспоминания: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 711 с.
17. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 3543. Оп. 1.
18. РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1.
19. РГВИА. Ф. 2587. Оп. 2.
20. РГВИА. Ф. 2581. Оп. 1.
21. РГВИА. Ф. 2588. Оп. 2.
22. РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1.